Л.М. ПАНТЕЛЕЕВА
С.В. ХОРОБРЫХ

Лингвосемиотика похоронной культуры: деревня и город

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2026

УДК 393.05
ББК 71.05
П16

https://elibrary.ru/dpknyf

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор
Пермского государственного гуманитарно-педагогического
университета *И.А. Подюков*;
кандидат исторических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ — Пермь *А.В. Глушков*

Пантелеева, Л. М., Хоробрых, С. В. Лингвосемиотика
П16 похоронной культуры: деревня и город [Текст] : моногр. /
Л. М. Пантелеева, С. В. Хоробрых ; Нац. исслед. ун-т «Высшая
школа экономики». — 2-е изд. — М. : Изд. дом Высшей школы
экономики, 2026. — 205, [3] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-
4376-4 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4449-5 (e-book).

В монографии обсуждается проблема неоднозначности понятия «народная культура» и предлагаются два новых ракурса его рассмотрения — социально-информационный и концептуально-цивилизационный. В рамках этих подходов авторы проводят характеризацию разных типов народной культуры (традиционной и массовой) через лингвосемиотику похорон. Материалом исследования выступают диалектная речь жителей сельско-деревенской местности, фольклорные эпитафии на городских кладбищах, а также названия городских ритуальных агентств. Языковые данные сбалансированы в соответствии с несколькими принципами упорядочения материала — семиотическим, тематическим и географическим.

Издание предназначено для широкого круга ученых, исследующих культуру в разных ее проявлениях.

УДК 393.05
ББК 71.05

Иллюстрация на обложке: Коми-пермяцкое кладбище, с. Отево Соликамского уезда. 1903 г. Фотография неизвестного автора. Фотобумага, фотопечать. КПКМ ОФ 2278/4.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
http://id.hse.ru

doi:10.17323/978-5-7598-4376-4

ISBN 978-5-7598-4376-4 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-4449-5 (e-book)

© Пантелеева Л.М.,
Хоробрых С.В., 2022

Оглавление

5 **Введение**

23 **Глава 1. ЛИНГВОСЕМИОТИКА ТРАДИЦИОННОЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ**

23 1.1. Пространственные смыслы концепта «смерть»

44 1.2. «Время» в похоронной лексике

70 1.3. «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности

98 **Глава 2. ЛИНГВОСЕМИОТИКА МАССОВОЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКИХ ГОРОДОВ**

98 2.1. Эпитафии на городских кладбищах: стилистические особенности

119 2.2. Денотативное пространство фольклорных эпитафий

138 Приложение. Тексты эпитафий на пермских кладбищах

147 **Глава 3. ЛИНГВОСЕМИОТИКА МАССОВОЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С КОНСЮМЕРИЗМОМ**

185 Приложение. Названия ритуальных агентств, привлеченные к исследованию

187 **Заключение**

192 **Библиография**

192 Источники

194 Литература

Список сокращений пермских топонимов, встречающихся в тексте

Б. Долды – Большие Долды

Бард. – Бардымский район

Бер. – Березовский район

Больш. / Большесосн. – Большесосновский район

В. Мошево – Верхнее Мошево

Верещ. – Верещагинский район

Гайн. – Гайнский район

Добр. – Добрянский район

Ел. / Елов. – Еловский район

Ильинск. – Ильинский район

Караг. – Карагайский район

Киш. / Кишерт. – Кишертский район

Кос. – Косинский район

Краснов. – Красновишерский район

Кудымк. – Кудымкарский район

Куед. – Куединский район

Кунг. – Кунгурский район

Лысьв. – Лысьвенский район

Н. Бычино – Нижнее Бычино

Окт. – Октябрьский район

Орд. – Ординский район

Ос. – Осинский район

Ох. – Оханский район

Перм. – Пермский район

Сол. / Солик. – Соликамский район

Сукс. – Суксунский район

Ус. / Усол. – Усольский район

Чайк. – Чайковский район

Част. – Частинский район

Черн. / Чернуш. – Чернушинский район

Черд. – Чердынский район

Юрл. – Юрлинский район

Юс. / Юсьв. – Юсьвинский район

Введение

В настоящее время культурная и культурологическая ситуация в аспекте жизни народных масс весьма неоднозначна. Процесс активного нарастания культурных форм, их слияния и взаимовлияния все чаще приводит исследователей к категоричным суждениям — например, о неотделимости феноменов одной культурной формы от другой (например, массовой от элитарной [Мороз, 2020]) или антисоциальности современного культурного мира [Ильин, 2014, с. 107]. Вместе с тем консенсус между разными позициями в видении современной культурной реальности труднодостижим по причине неупорядоченности понятий. Неупорядоченность проявляется не только в области главного предмета исследований [Лотман, Пятигорский, 1992, с. 132; Флиер, 2011, с. 95–96], но и в более узкой проблематике. Так, особое напряжение в смыкании разных точек зрения возникает на линии *народный — массовый — элитарный*.

Указанные проблемы усугубляются еще одним важным обстоятельством. Современная культура с ее гетерогенными и гетероморфными проявлениями (несмотря на все теоретическое и фактологическое обеспечение науки [Флиер, 2011, с. 80]) часто требует междисциплинарного препарирования. Выявление и анализ культурной материи нуждаются в разнородных междисциплинарных данных и инструментарии.

Разматывать этот клубок проблем крайне сложно, тем более если не иметь под ногами совершенно конкретного материала. Теоретизирование вокруг объекта, равно как и подборка разнородных примеров, рано или поздно выльется в схоластические рассуждения. Поэтому мы хотели бы предложить читателю свое видение проблемы содержания и разграничения разных типов

народной культуры посредством уравновешивания материала в плоскости языка.

Начнем с прояснения понятийно-терминологического аппарата. Поскольку наше исследование проводится в области лингвосемиотики, целесообразно примкнуть к той системе культурологических взглядов, где культура понимается как «социальная информация, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств» [Кармин, 2009, с. 24]. Методологически мы избираем путь в русле идей московско-тартуской семиотической школы и пытаемся подобрать язык описания для культурных текстов, зашифрованных разными типами кодов. Основной метаязыковой единицей, «краеугольным камнем», в данном случае выступает *народная культура* как термин с неисчерпанным смысловым потенциалом.

В понятийном поле, покрываемом термином *народная культура*, нам видится много неоднозначного. Так, в современных исследованиях указанная единица не находит более-менее строгого определения в семиотическом аспекте. Собственно, и в любом другом она преподносится довольно неопределенно: даже в энциклопедическом словаре толкование термина начинается со слов «собирательное понятие, не имеющее четко опр. границ и включающее культурные пласты разных эпох от глубокой древности до настоящего времени» [Михайлова, 1998, с. 70]. При этом вводимая далее апелляция к народу как носителю этого типа культуры («Формирование и функционирование феномена Н.к. в этнич. сооб-ве или социальных группах и общностях разного типа связано с осознанием их принадлежности к народу» [Там же]) ставит новые вопросы о том, кого считать народом? Есть ли люди, которые не включаются в эту массу? В каких случаях принадлежность к народу может отрицаться?

Сложившаяся практика употребления термина *народная культура* в культурологических и смежных с ними исследованиях

дает возможность наблюдать две ведущие закономерности: когда его значение синонимично этнической культуре (ср. *традиционная народная культура*) и традиционной культуре — ср. «народная культура (правильнее называть ее традиционной)» [Флиер, 2011, с. 502]. Обе закономерности так или иначе выводят осмысление народной культуры в плоскость исторического прошлого, времени расцвета традиции как своеобразного культурного параметра, которым определяется содержание аграрной цивилизации. Если же этот феномен осмысляется по отношению к настоящему, то объектами анализа становятся явления, вытесненные «на периферию культурного сознания» [Каргин, Хренов, 2000, с. 7], т.е. не укладывающиеся в мейнстримное движение цивилизации. Именно это и кажется нам спорным: почему культурная парадигма, которой определяется содержание развивающейся (постиндустриальной) или предшествующей (индустриальной) цивилизации, не наделяется статусом народной? Почему «народное» прочно связывается с земледельческим укладом жизни (архаизирующейся ныне крестьянской культурой) и не применяется, например, к потребительскому выбору или виртуальной реализации современников?

Все эти вопросы заставляют нас заново переосмыслить содержание широко известного термина и раскрыть в работе два следующих возможных его истолкования, удовлетворяющих информационно-семиотическому пониманию культуры. Назовем их условно «социально-информационный» и «концептуально-цивилизационный» подходы.

Первый подход предполагает разграничение культур по характеру знаковой информации, вычленяемой, интерпретируемой и порождаемой их представителями. На этом основании нам кажется возможным выделение, с одной стороны, элитарной культуры — культуры высоких порядков — высокоинтеллектуального, высокодуховного, высокохудожественного, а с другой —

народной культуры, обращенной к «низовому уровню»: простой, не требующей высокой образованности, со слабо проявляемой индивидуальностью.

Между членами данной оппозиции невозможно провести однозначной границы, элитарное — народное может рассматриваться, скорее, как некоторая шкала, между предельными значениями которой располагаются так называемые промежуточные культурные формы [Метальникова, 2000; Неклюдов, 2001]. Более того, количество последних со временем увеличивается, потому что усложняется социальная организация. Театральная самодеятельность, деятельность клубов любителей поэзии и краеведов, творчество непрофессиональных художников, музыкантов, танцовщиков и т.д., — все это дает возможность наблюдать и исследовать не только существо промежуточной культуры, но и элементы выделенных полярных типов, перекрещенных в ней.

Промежуточные формы, заполняющие пространство между полюсами шкалы, делают незаметным разрыв культур по семиотической сложности. Будучи наиболее близкими к обывательской повседневности, но в то же время более сложно организованными, они часто воспринимаются представителями народной культуры как элитарные. Исследования показывают, что феномены народной культуры более широко и ярко проявляются среди людей, «не испорченных» образованием. Поэтому сегодня в научных работах выборка информантов (носителей народной культуры) нередко задается такими социальными параметрами, как невысокое образование (или необразованность) и занятость в рабочем (трудовом) секторе. Прежде же эти качества характеризовали целые общественные сословия и классы, в которых жила и развивалась народная культура.

Носитель народной культуры часто мыслит и ведет себя стереотипно: он оглядывается на мнения других, доверяет слухам и популярной информации. Стереотипы, с одной стороны, из-

бавляют его от психологического напряжения при восприятии и интерпретации нового и неизвестного, а с другой — ведут к упрощенному пониманию мира, консервативным решениям, деиндивидуализации взглядов, предугадываемому поведению. Следуя социальному инстинкту коллективности, он чаще доверяет тому, что уже получило проверку в общественной практике, что имеет народное «хождение», нежели тому, что подтверждается теоретически.

Народное мировоззрение складывается в результате наивного осознания реальности. Недостаток знаний в миропостижении преодолевается опорой на коллективный опыт, догмы, интуицию, историческую традицию и т.д. В наивных рассуждениях рацио часто теряет силу перед привычкой и авторитетным мнением.

В наивном сознании порождаются мифологические представления об истории своего рода (семьи, общины, народа, человечества), принципах мирового устройства и месте отдельного человека в нем, смысле существования всего сущего, грядущем времени и т.д. «Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, организует и регламентирует жизнь общественного человека (на ранних этапах истории — полностью, на более поздних — совместно с другими формами идеологии, наукой и искусством). Миф предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума» [Неклюдов, 2000].

В мифологических образах и сюжетах, как и в других типах наивных представлений, проявляется концептуальное содержание народной культуры. Количество и качество концептуальных моделей, их компонентов, а также межсистемных и межкомпонентных связей исторически изменчиво. Содержание формально тождественных знаков и текстов народной культуры неодинаково в разных социально-исторических контекстах.

Рассмотренные выше признаки народной культуры — стереотипность, ненаучность, мифологизм — могут задавать целостную жизненную стратегию каких-либо социальных групп или проявляться в жизненном плане отдельного индивида, когда он не включен в профессиональную ситуацию, когда ему важно не проявить себя, а поддержать сложившуюся традицию. В отличие от представителей аграрного общества, современник имеет более разветвленную систему индентичностей, и народная культура — лишь один из компонентов индентичностного профиля личности. Современник, живущий в поликодовой реальности, в разной степени включается в частные семиотики — в одни более глубоко, в другие — менее глубоко. А это, в свою очередь, влияет на развитие его конкретных идентичностных структур.

Таким образом, простота и сложность частных семиотик, с которыми имеет дело индивид или социальная группа, определяют проявление народного или элитарного типа организации культуры. При этом в ряде культурных ситуаций информационное пространство организовано принципиально ненаучно и традиционно: в современной культуре это народные праздники, способы досугового времяпрепровождения, семейная обрядность, народная медицина и др. Поэтому к ним чаще всего и обращаются культурологи для выявления особенностей народной культуры.

Ставшее сегодня очевидным разделение общества по типу потребляемой информации актуализирует представленную оппозицию в частной проблеме: противостояния элитарного и массового [Кондаков, 1998]. Но это лишь один из ракурсов общего разделения культур по характеру обращения их представителей со знаковыми системами. Элитарное и народное может быть рассмотрено, например, через призму книжной дворянской культуры и традиционного крестьянского мира, официальной врачебной практики и народного самолечения, театральной дея-

тельности и домашних концертов, художественной и наивной литературы и т.п. Кроме того, в каждом из этих противопоставлений можно наметить упоминаемые выше промежуточные типы или периферийные проявления.

В рамках второго подхода под народной культурой нами понимается форма культурной организации широких общественных масс, свойственная тому или иному цивилизационному периоду. Так, по характеру концептуальных моделей различается народная культура доиндустриального и индустриального общества. В культуре общества с аграрным укладом действует традиционная модель, в которой поддерживаются ценности коллективизма, культ природы, ориентация на воспроизведение прошлого, представления об изоморфности мира и человека. Разновидности традиционной культуры определяются территориальным фактором, межпоколенческие связи являются крепкими и характеризуются слабой динамикой.

В современной науке накоплено уже достаточно много сведений о том, какой формы, из какого материала, на какой глубине залегал тот древний сосуд, на примере которого Н.И. Толстой рассуждает о реконструкции общеславянской модели традиционной духовной культуры [Толстая, 2015, с. 29]. Напротив, народная культура индустриального и современного — позднеиндустриального — общества, которую часто называют массовой и по большей части критикуют, на концептуальном уровне изучена еще недостаточно. В частности, до сих пор остается нерешенным вопрос о характере ее субстанции и акцидентальных свойствах.

Сегодня ученым ясно, что массовая культура — совершенно из другого теста, нежели традиционная. В ней поддерживаются ценности индивидуализма, свободы, труда, денег, семьи, предполагается рациональное отношение к действительности. Она ориентирована на будущее, но в то же время лишает человека возможности контролировать социальные процессы. Ее разновидности опреде-

ляются социальными факторами, межпоколенческие связи являются слабыми и характеризуются усиленной динамикой.

По типу населения массовая культура противостоит традиционной как культура города культуре деревни. В российской действительности миграция из сельско-деревенских поселений в город началась со второй половины XIX века, а существенно активизировалась во второй четверти XX века. Постепенно сближаясь, количественные тренды сельско-деревенского и городского населения пересеклись в конце 1950-х годов, после чего разошлись в противоположные стороны. Время демографического перелома условно обозначило период смены вех — архаизации культуры крестьян и развития народной городской культуры. В настоящее время доля горожан составляет 3/4 от общей численности населения РФ[1].

Мир города как культурная форма складывался в ином контексте, нежели традиционный крестьянский мир. С одной стороны, в нем перемешивались разные традиции, привносимые в новое культурное пространство выходцами с разных территорий. А с другой — уже в начале XX века стремительное развитие информационных технологий оказывало сильное влияние на культурные нормы обывателей. И если в советское время информационные органы были поставлены на службу государства и распространяли политическую пропаганду, то после смены режима в информационном потоке наряду с пропагандистским явственно обозначился коммерческий уклон. Так называемая потребительская культура стала формировать новые общественные вкусы и установки.

Безусловно, потребительская культура (культура для масс) является «низовой» не по происхождению, а по адресату. Однако

---

[1] См.: Демография // Сайт «Федеральная служба государственной статистики». <http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#> (дата обращения: 04.01.2021).

она не может быть сброшена со счетов в разговоре о парадигмах культурной жизни народа: многие ее формулы, установки, мифы, нормы вошли в народный обиход и воспринимаются носителями народной культуры уже как свои. Нам не хотелось бы называть эту культуру массовой, чтобы не создавать омонимию терминов, однако в современных культурологических исследованиях часто присутствует именно такое обозначение. В рамках настоящей работы культуру для потребителей мы будем называть консюмеристской.

Нам близка точка зрения В.А. Куренного, разделяющего эмансипаторные и манипулятивные теории массовой культуры [Куренной, 2015], сущность которых коррелирует соответственно с обозначенным нами разделением культуры масс и культуры для масс. Такова уж специфика нашего времени, что культурные потребности народа могут удовлетворяться как самостоятельно производимыми феноменами, так и специально созданными. При этом потребление культурных продуктов совсем не отменяет право адресата (потребителя) на выбор, интерпретацию, приятие или неприятие.

Таким образом, современную культурную организацию широких общественных масс в России мы видим неоднородной. Ее нижний слой — традиционная культура — все более и более истончается и теряет жизнеспособность в актуальной реальности. Носители традиционной культуры уходят, унося с собой древнюю культурную традицию, либо приспосабливаются к массовой культурной модели, а следовательно, и перенимают ее норму.

Основной слой — массовая культура — полноценно развивается в городской среде, хотя в последнее время все обильнее проникает через дачников и в сельско-деревенский быт. Однако современное сельско-деревенское пространство выступает лишь новой площадкой для реализации урбанистических концепций. (В антропологических исследованиях эта разновидность массо-

вой культуры рассматривается как отдельный объект под названием «новая сельскость» [Мельникова, 2020].)

Следует наметить и верхний — нарождающийся — слой народной культуры — культуры постиндустриального общества, который еще весьма слабо и неравномерно распространяется в России. Говорить о нем как о поистине народном в смысле охвата населения пока слишком рано (это хорошо видно по провинции), но в то же время следует признать, что переход к новой цивилизационной форме, с ее информациональностью [Кастельс, 2000], новым принципом социальной стратификации [Бауман, 2005, с. 182–183], сервисной экономикой [Белл, 1999], уже не просто умозрительно проектируется, а реально совершается на наших глазах.

Смена концептуальных слоев народной культуры осуществляется постепенно, благодаря чему сегодня мы имеем возможность наблюдать условно называемые прошлый и настоящий мир. Обозначенная динамика отнюдь не поверхностна и не всегда распределяется по социальным группам. Отдельный человек тоже может чувствовать проходящий через него «ток истории» и обнаруживать в слоях собственной идентичности маркеры разных культурных форм. Особенно ярко это проявляется у переезжающих в города деревенских жителей, а также коренных провинциалов, в чьем быту еще сохраняется хозяйственное размежевание на организационный и земельный (или собирательский) труд, каждый из которых предоставляет средства к существованию. В культуре малых периферийных городов, особенно с длительной историей, носители традиционного сознания встречаются часто, поскольку их родственные связи и хозяйственная деятельность поддерживаются окрестными деревнями и поселками, а культурная традиция не всесторонне вытравливается инокультурным воздействием.

На фоне динамики и пересечений концептуальных слоев народной культуры наблюдается их активное взаимодействие с

внесистемными формами, например, такими как культура консюмеризма. И все же в сложно организованном социальном пространстве можно увидеть и вычленить нити разных культурных форм, имея для этого специальные инструменты.

Намеченные выше аспекты концептуально-цивилизационного подхода — динамический и межсистемный, о которых в свое время говорил Ю.М. Лотман, являются основными в описании любых семиотических систем [Лотман, 2000, с. 12]. Переходя от характеристики понятийно-терминологического аппарата к сути нашего исследования, укажем, что оба аспекта не просто учитываются, а задают общую стратегию изучения тематически однородного, но концептуально различного культурного материала. В настоящей монографии речь пойдет о специфике народной лингвосемиотики похорон в разных культурных средах.

Основной целью исследования является определение семиотических особенностей русского похоронного обряда в зеркале традиционной и массовой лингвокультуры, а также в пространстве пересечения массовой и консюмеристской лингвокультуры. Актуальность исследования назрела в связи с накоплением огромного корпуса материалов о различных сторонах похоронной обрядности в прошлом и настоящем, и в этом корпусе пока количественно доминируют работы по культурам традиционных обществ. Потребность в последовательной «связке» разных культурных материй определяется необходимостью векторного обзора трансформаций в сущности смерти как этнической и цивилизационной универсалии.

Системное исследование динамики категории смерти на языковом материале осуществляется впервые. Попытки целостного осмысления смены мировоззренческих представлений о смерти на ином материале тоже немногочисленны. Среди тех, которые отличаются концептуальной новизной, можно назвать, например, книгу французского историка Ф. Арьеса «Человек

перед лицом смерти», где дается описание мыслительно-художественных образов и реальной «обставленности» похорон в европейском обществе с архаики до прошлого столетия [Арьес, 1992]. Или монографию американского историка М. Блэк «Смерть в Берлине» о развитии немецких представлений о смерти и самого похоронного обряда под влиянием культурно-политического контекста 1920–1960-х годов [Блэк, 2015]. А также книгу российского антрополога С. Мохова «Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия» [Мохов, 2020], посвященную исследованию философии похорон в аспекте отношения к мертвому телу. Но наиболее близким настоящему исследованию по времени, этнической почве и культурологической выборке является диссертация А.Д. Соколовой «Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области)», в которой прослеживаются изменения в структуре похорон в советском и постсоветском дискурсе [Соколова, 2013].

Наша исследовательская логика развивается в русле сравнительно-сопоставительного анализа представлений о смерти, бытование которых связано с двумя социокультурными мирами: архаизирующимся — под этим определением понимается изживающая свой век традиционная культура, и актуальным — отражающим культуру масс в индустриальных городах. Лингвокультурный материал удовлетворяет социально-информационному пониманию народности и представляет собой образцы живой диалектной речи и письменный городской фольклор. Помимо «чистых» культурных форм изучению подвергается и пространство пересечения культур, т.е. сфера, в которой пролагаются связи между разными информационно-семиотическими системами — в данном случае между народной культурой и культурой консюмеризма. Репрезентация этой сферы осуществляется посредством совокупности локальных наименований ритуальных агентств.

Для того чтобы логическая нить свободно проникала сквозь разные типы культурной ткани, языковые данные были сбалансированы в соответствии с несколькими принципами упорядочения материала — семиотическим, тематическим и географическим. Семиотическое выравнивание заключалось в установлении лингвокультурных знаков путем ассоциативно-образной интерпретации языковой реальности в той или иной культурной среде. Тематическое выравнивание предполагало соответствие лексики похоронной сфере и в то же время концептуальным категориям «пространства», «времени» и «субъекта». Географические границы материала очерчивались по современной территории Пермского края.

Уникальная особенность описываемой территории — Пермского Прикамья — заключается в том, что языковой, предметный и ритуальный комплексы похоронно-поминальной обрядности до сих пор сохраняют древние черты и предстают как целостные культурные сценарии в провинциально-деревенской жизни. «Консервативность обряда и позволяет донести до наших дней архаические черты, раскрывающие древние представления о смерти, об устройстве потустороннего мира, о взаимоотношении мертвых и живых» [Подюков, 2008, с. 97]. В живой речи коренных жителей региона маркируется множество ментальных категорий, связанных со смертью, например, ее образы и приметы, причины и «агенты», земное и небесное пространство, время и характер, обереги и гадания — см. [Словарь мортальной лексики, 2020].

С другой стороны, пермская городская культура (что особенно свойственно средним и малым городам края) очень медленно развивается в постиндустриальном направлении. Сдерживающих эту динамику факторов довольно много. Это и преимущественный тип экономики, представленный промышленным сектором, горно-химический профиль которого сохраняется на протяжении нескольких веков. И этнокультурная идентичность жителей,

во многом исторически обусловленная финно-угорской культурой и свойственной ей «природосообразной» ментальностью. И субкультурный контекст территории, в котором заметное место занимают довольно консервативные социальные группы — военно-тюремная, тюремно-воровская, заводская. И общая, уже достаточно продолжительная, демографическая тенденция состаривания населения, сложившаяся в силу неблагоприятной экономической ситуации. Есть, наверное, и другие причины, позволяющие сегодня наблюдать проявления массовой культуры на позднеиндустриальном фоне.

Непосредственное прокладывание логической нити сквозь ту или иную материю требовало специфического инструментария как в сборе, так и анализе данных. По этой причине было принято методологическое разделение работы на три части. В первой осуществляется описание архаизирующегося мира русской деревни. Танатологические представления носителей традиционной культуры вскрываются на материале диалектной лексики и фразеологии, записанном пермскими учеными в ходе многолетней полевой работы, которая активно осуществляется с 1950-х годов по настоящее время. Источниками похоронной терминологии послужили словари: «Словарь пермских говоров» (2000–2001), «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» (2006), «Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III: Словарь хрононимов» (2009), «Словарь русских говоров Южного Прикамья» (2010–2012), «Фразеологический словарь пермских говоров» (2002); коллективные этнолингвистические сборники материалов и исследований: «Вишерская старина: сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области» (2002), «Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX — X веков» (2003), «Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района

конца XIX — XX вв.» (2004), «Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района» (2006), «В каждой деревне чё-то да разно. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век)» (2007), «Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: материалы и исследования» (2008), «Юсьва — лебединая река: сборник трудов и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района» (2015); монография И.А. Подюкова «Круговорот жизни. Народный календарь Прикамья» (2001), диссертационное исследование А.В. Черных «Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX — середине XX вв. (региональный аспект праздничной культуры)» (2007), статьи С.Ю. Королевой «Обряд “проводов души” с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья)» (2014), «Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья)» (2014). В некоторых случаях, когда источник не обозначен, в книге используются экспедиционные записи 1995–2020 годов С.В. Хоробрых, директора МАУК «Усольского историко-архитектурного музея-заповедника “Усолье Строгановское”».

Методологические подходы в работе с диалектной лексикой опираются на разработки Московской этнолингвистической школы, а интерпретативные ракурсы конкретных феноменов коррелируют с исследованиями пермской научной школы «Лингвосемиотики культуры», возглавляемой И.А. Подюковым. Основным методом анализа языкового материала выступает лингвосемиотический, суть которого сводится к вскрытию культурно-коннотированных ассоциативно-образных смыслов, лежащих в основе языковых единиц.

Вторая и третья части работы посвящены исследованию актуальной культуры городских похорон под разными углами зрения — с противоположных ракурсов: когда обрядовая символо-

сфера задается личной волей городского обывателя и когда ему предъявляется некоторый символический код. Ракурсы, представленные в отдельных главах монографии, демонстрируют обозначенные выше «эмансипаторный» и «манипулированный» профили культуры масс, благодаря чему само это пространство предстает объемным и неоднозначным.

Во второй части изучены фольклорные тексты современной кладбищенской поэзии, бытующие на пермских провинциальных кладбищах. Их анализу в свете лингвоконцептологической теории предшествует решение застарелой филологической проблемы о признаках фольклорной эпитафии. Конкретная стратегия обработки материала коррелирует с принципами лингвистического анализа текста, сформулированными ведущими представителями Уральской семантической школы Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным.

В третьей части речь идет о символических смыслах в ритуальном ономастиконе города. Тема похорон в совокупности коммерческих номинаций Перми вскрывается путем многократного просеивания материала через лексикологическую и психолингвистическую рамку. Эти процедуры соответствуют методологическим принципам измерения эффективности рекламного имени, изложенным в докторской диссертации М.Е. Новичихиной [Новичихина, 2004]. Семиотическая классификация выявленной таким образом похоронной символики заимствуется из докторской диссертации И.В. Крюковой [Крюкова, 2004]. Интерпретация лингвокультурных знаков опирается на данные современных толковых и ассоциативных словарей, энциклопедических изданий, результаты конкретных психолингвистических и фоносемантических исследований, фиксацию слов в лингвистических и коммерческих информационных интернет-базах.

На фоне сквозной логики, принципы которой только что были обозначены, мы делаем ряд дополнительных наблюдений,

касающихся регионального облика народной культуры в ее архаизирующемся и актуальном состоянии. Это обеспечивает, с одной стороны, объективное отношение к материалу как привязанному к конкретным историко-географическим условиям, а с другой — возможность наблюдения за ролью регионального фактора в динамике народной культуры. Также в работе обращается внимание на религиозно-идеологическую канву похоронной обрядности и связанные с ней смысложизненные ценности, что, в свою очередь, позволяет увидеть различия в смысловом объеме формально одних и тех же лингвокультурных знаков и определяемую этим разницу в мировоззренческих системах носителей народной культуры прошлого и настоящего.

Разнородная лингвокультурная основа, разнотипная поисковая и аналитическая методика, многоаспектность концепции, конечно, повлияли на общую структуру повествования. Читатель может заметить, например, элементы разбалансированности в подборе материала по традиционной культуре, когда в одном параграфе речь идет о лексике, в другом — о фразеологии, в третьем — учитывается все сразу. Однако мы не видим в этом концептуальной недоработки, поскольку исходили из степени информативности языкового слоя для целостного представления о народной философии по отношению к одной из выбранных концептуальных категорий. Вообще говоря, условно названная «архаизирующейся» часть исследования гораздо больше сфокусирована на обобщении, чем на подборе методики — эта проблема, очевидно, более актуальна для современного материала в силу его генетической и формальной неоднородности, а кроме того, малоизученности.

Подобранные в исследовании частные методики и установленные точки зрения на материал получили внешнее рецензирование в ходе постепенной публикации готовых частей работы. Разделы монографии, составляющие ее основное содержание,

прежде были опубликованы в виде семи отдельных статей, шесть из которых вошли в сборники из базы РИНЦ, пять статей — в журналы из списка ВАК и три статьи — в журнал *Web of Science*; собранные вместе, они подверглись небольшому исправлению, изменению и дополнению. Финансовую поддержку в издании статей оказывал РФФИ и Пермский край в рамках конкурсов № 18-412-590002 «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья (по данным народной речи и обрядового фольклора)» (2018–2019), № 19-412-590001 «Вариативность регионолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты» (2019–2021), № 20-41-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении» (2020–2022).